

Конвенция от 10 октября 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция от 10 октября 1980 года)

Ив Сандоз

Профессор международного гуманитарного права, Академия международного гуманитарного права и прав человека в Женеве и Фрибургский университет (Швейцария)

1. Исторический контекст

С самого своего зарождения, которое можно отнести к середине XIX века¹, современное международное гуманитарное право разделилось на две отрасли, одна из которых была посвящена защите людей, которые попали в зависимость от неприятеля или оказались под его властью, а вторая — установлению определенных гуманитарных ограничений на ведение боевых действий, в частности в том, что касается применения некоторых способов и средств войны. Первая отрасль в настоящее время именуется «жизненным правом», поскольку ее развитие происходило с самого начала в форме конвенций, которые принимались в Женеве (первый раз — в 1864 году); вторая — «гаагским правом», поскольку ей дали толчок дипломатические конференции, созывавшиеся в Гааге в 1899 и 1907 годах. Эти две отрасли носят взаимодополняющий характер, и сегодня они объединены в нормах позитивного права, нашедших выражение в принятых в 1977 году Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям, подтверждающих и развивающих также и принципы, касающиеся ведения боевых действий.

Первым многосторонним договором, составляющим часть «гаагского права», является Санкт-Петербургская декларация 1864 года («Декларация о воспрещении употребления некоторых снарядов во время войны» от 11 декабря 1864 года). Этот договор имеет большое историческое значение не столько своей резолютивной частью, сколько теми принципами, которые излагаются в его преамбуле, а именно следующими: единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля; для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее по возможности число людей; употребление такого оружия, которое, по нанесению противнику раны, без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежной, должно признать несоответствующим упомянутой цели. Уже налицо присутствие двух основных гуманитарных принципов, которые регулируют запрещение и ограничение применения оружия: оружие должно направляться только на военнослужащих и не должно причинять излишних страданий.

После того как в Первую мировую войну было применено химическое оружие, стали возникать мысли по поводу жестокости этого оружия и его неспособности к соблюдению принципа разграничения между гражданскими лицами и военнослужащими. С течением времени это привело к запрещению химического и биологического (или бактериологического, как его тогда называли) оружия.

Во время Второй мировой войны — этого «краха цивилизации», как ее называли некоторые, — происходило поправление всех принципов международного гуманитарного права. Однако с принятием Устава Организации Объединенных Наций акцент был сделан прежде всего на поддержание всеобщего мира. Международное гуманитарное право, с его стремлением сохранить хоть немного человечности посреди войны, оказалось отодвинутым на второй план, поскольку возникло ожидание, что обратиться к нему уже не придется.

Однако неспособность государств договориться о создании общих вооруженных сил, а также первые ростки «холодной войны» вновь вернули на сцену вооруженные конфликты, а с ними — международное гуманитарное право. С 21 апреля по 12 августа 1949 года в Женеве заседала дипломатическая конференция, переработавшая весь комплекс норм этого права с учетом уроков, извлеченных из Второй мировой войны.

Дипломатическая конференция по разработке международных конвенций о защите жертв войны приняла четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 года, которые до сих пор действуют и повсеместно ратифицированы. Однако конференции не удалось внести в эти Конвенции большинство норм, касающихся ведения боевых действий («гаагское право»), — в основном из-за расхождений во взглядах на вопрос о ядерном оружии. Соединенные Штаты, являвшиеся в то время единственной державой, обладавшей таким оружием, не соглашались на то, чтобы предусмотреть запрещение его применения, опасаясь, что такое запрещение ослабит удерживающий эффект, который может иметь обладание этим оружием; некоторые же другие государства не хотели разбирать вопросы, касающиеся ограничения определенных видов оружия, не рассматривая при этом и вопрос о ядерном оружии. Этот тупик сохранялся многие годы: появление новых ядерных держав не позволяло из него выйти, поскольку большинство из них тоже делало упор на важность ядерного сдерживания — «равновесия страха», как его стали называть.

Выход из тупика был в конце концов найден путем отделения вопроса об оружии массового уничтожения (биологическое, химическое и ядерное оружие) от других вопросов и его отнесения к ведению форума, занимавшегося темой разоружения. Главным аргументом в пользу такого отделения было то, что, учитывая стратегическую важность названного оружия, запрещение их применения нельзя отделить от вопросов, связанных с их производством, обладанием ими, их передачей и их уничтожением. И фактически именно в рамках разоружения были приняты конвенции по этим видам оружия, а именно: Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 ноября 1972 года и Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 года.

Благодаря переводу проблемы оружия массового уничтожения в русло форума по разоружению появилась возможность разблокировать «досье» о ведении боевых действий, и регулирующие его нормы получили подтверждение и развитие в Дополнительном протоколе I от 8 июня 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года. Во время дипломатической конференции, на которой было принято два протокола и которая проходила в четыре сессии с

1974 по 1977 год, функционировала специальная комиссия, работе которой способствовали совещания экспертов, организовывавшиеся между этими сессиями Международным комитетом Красного Креста (МККК); эта комиссия занималась рассмотрением определенных видов обычного оружия, применение которых представлялось заслуживающим запрещения или ограничения. При этом была составлена важная документация. Однако в итоге дипломатическая конференция постановила ограничиться в Дополнительном протоколе I 1977 года подтверждением и развитием общих принципов и норм, не привнося в этот акт запретов или ограничений на применение конкретных видов оружия. И все же встает вопрос: ~~не~~ позволяют ли эти принципы сделать категоричные выводы относительно законности или незаконности применения определенных видов оружия?

Применительно к оружию массового уничтожения этот вопрос относится только к ядерному оружию. Запрет на применение химического и биологического оружия (и тот и другой вид оружия стал, как уже говорилось выше, предметом самостоятельной конвенции) уже превратился, по сути, в часть обычного международного гуманитарного права². Что же касается ядерного оружия, применение которого не запрещено какой-то конкретной конвенцией, то Международный Суд сделал вывод о его общей несовместимости с общими принципами и нормами международного гуманитарного права, однако оставил знак вопроса в отношении законности его возможного применения в некоторых исключительных обстоятельствах³.

Применительно к обычному оружию поиском объективных критериев для определения понятия «излишний вред» занялась группа врачей⁴. Если не вдаваться в детали, то в числе таких критериев назывались, в частности: неизлечимое увечье, болезни, не связанные с травмами, которые обычно вызываются взрывами или попаданием снарядов, почти неизбежная гибель на поле боя, очень высокая смертность в больничных условиях или особенная серьезность ранений. Идея заключалась в том, чтобы эти критерии использовались государствами на национальном уровне и на международных форумах для оценки законности того или иного нового вида оружия. Ее большое достоинство состояло в том, что она предлагала объективные критерии государствам, которые обязаны изучать вопрос о законности производимого или приобретаемого ими оружия (статья 36 Дополнительного протокола I 1977 года). Однако эти критерии не получили международного утверждения, и поэтому, при нынешнем состоянии права нельзя заключить, что какой-то новый вид обычного оружия можно считать запрещенным по той только причине, что он этим критериям не соответствует, тем более что нет никакого признанного органа, который разрешал бы этот вопрос.

В силу этого 10–28 сентября 1979 года состоялась дипломатическая конференция (Конференция Организации Объединенных Наций по запрещению или ограничению применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие) для выработки конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые в порядке применения принципов, утвержденных в Дополнительном протоколе I 1977 года, можно было бы добавить к списку уже запрещенных, а именно к разрывным снарядам весом менее 400 граммов⁵, ядам и отравленному оружию⁶ и некоторым видам пуль⁷. Опираясь на материалы, составленные в ходе

дипломатической конференции 1974–1977 годов, эта конференция приняла такую конвенцию 10 октября 1980 года.

2. Содержание

Структура, установленная Конвенцией 1980 года, имеет продуманный характер: в конкретном применении к оружию в ней учитывается необходимость постоянной адаптации к развитию техники, в результате которого появляются новые виды оружия.

2.1. Конвенция от 10 октября 1980 года

Конвенция служит прежде всего технической подпоркой для приобщаемых к ней протоколов. Сама она не предусматривает запрещения или ограничения применения конкретных видов оружия. В ее преамбуле содержится ссылка на принципы, на которых основываются запреты или ограничения, предусматриваемые в различных протоколах, например получившие подтверждение и развитие в Дополнительном протоколе I 1977 года, а именно принцип защиты гражданского населения от опасности военных действий и принцип запрещения оружия, наносящего чрезмерные повреждения, а также причиняющего обширный и долговременный ущерб природной среде. Кроме того, в ней подтверждается «оговорка Мартенса», т. е. необходимость уважать, за пределами четких договорных требований, «установившиеся обычаи, принципы гуманности и требования общественного сознания». В ней также устанавливается связь с разоружением: там приводится напоминание о том, что разоружение остается общей целью ООН, и указывается, что запрещение или ограничение применения конкретных видов оружия может открыть путь к достижению соглашений, позволяющих положить конец производству, накоплению и распространению такого оружия.

В Конвенции предусматривается ее вступление в силу через шесть месяцев после того, как 20 государств ее ратифицируют, примут ее, утвердят ее или присоединятся к ней. В соответствии с этим она вступила в силу 2 декабря 1983 года. Будучи не чем иным, как подпоркой для протоколов к ней, она, естественно, не могла признаваться независимо от них: выражая согласие на обязательность для себя Конвенции, государство должно выразить согласие на обязательность и как минимум двух протоколов, по своему выбору. Разумеется, вслед за этим оно может выразить согласие на обязательность для себя и других протоколов.

Конвенция предусматривает гибкую процедуру ее изменения. Государство-участник может потребовать как изменения самой Конвенции либо того или иного из протоколов, так и добавления нового протокола. В этом случае созывается дипломатическая конференция, если большинство других государств-участников соглашается заняться этим вопросом. Данная система функционирует успешно: Конвенция и один из протоколов к ней были предметом поправок, а кроме того, появилось два новых протокола.

Поправка к самой Конвенции, принятая 21 декабря 2001 года, касалась немаловажного момента — сферы ее применения. К сожалению, опираясь на малоубедительные в данной сфере аргументы, связанные с национальным суверенитетом, в 1980 году государства ограничили сферу применения Конвенции международными вооруженными конфликтами. Внеся в Протокол

по противопехотным минам поправки, по которым сфера его применения была распространена на вооруженные конфликты немеждународного характера (см. ниже, подраздел 2.3), государства приняли логичное решение о том, чтобы распространить сферу применения и самой Конвенции на такого рода конфликты, вследствие чего все протоколы стали для государств-участников распространяться на все вооруженные конфликты. Эта эволюция имеет большую значимость, поскольку огромное большинство вооруженных конфликтов не имеет международного характера. Это является подтверждением общей тенденции к существенному ослаблению различий между нормами, применяемыми к ведению боевых действий в том и другом типе конфликтов.

2.2. Протокол о необнаруживаемых осколках от 10 октября 1980 года (Протокол I)

Этот Протокол не имеет большого значения, поскольку снаряды, о которых в нем идет речь, применяются нечасто. Вместе с тем он указывает на средство ведения войны, которое явно противоречит принципу запрещения чрезмерных повреждений или излишних страданий, поскольку речь идет о сознательном применении снарядов, чьи осколки не обнаруживаются рентгеновскими лучами, а значит, имеют своим результатом (помимо законного результата — выведения из строя пораженных военнослужащих) значительное осложнение участи раненых.

2.3. Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств от 10 октября 1980 года (Протокол II) в редакции от 3 мая 1996 года

Касаясь разных боеприпасов, этот Протокол особенно важен вводимыми им ограничениями на применение противопехотных мин — бедствия, затрагивающего бесчисленное множество людей, большинство из которых — это гражданские лица, зачастую дети, которые гибнут или получают тяжкие ранения, нередко заставляющие прибегать к ампутации. Кроме того, противопехотные мины причиняют очень сильный ущерб окружающей среде, делая колоссальные площади труднодоступными, т. е. непригодными для возделывания, в силу той опасности, которую мины сохраняют порой спустя десятилетия после вооруженных конфликтов.

Протокол устанавливает общие правила для всех противопехотных мин и особые правила для мин, которые устанавливаются дистанционно, в частности с воздуха. Мины нельзя устанавливать indiscriminately, и должны приниматься все меры предосторожности к тому, чтобы избежать возможного ущерба гражданскому населению. Дистанционно устанавливаемые мины должны снабжаться механизмом, который их обезвреживает, когда военная необходимость в них исчезает, либо иметь точно зарегистрированное местонахождение. Вместе с тем Протокол не предусматривает механизма проверки и обладает тем недостатком, что такая проверка затруднена: так как некоторые виды применения допускаются, производство противопехотных мин и торговля ими остаются разрешенными, в связи с чем проверить, вполне ли законным было применение мин, очень сложно.

В силу этого государства решили усилить запрет, предусмотренный Протоколом, и в 1996 году они внесли в него поправки. К ним относятся, в частности: более точное определение противопехотных мин и других охватываемых Протоколом боеприпасов; усиление запретов путем указания на полное запрещение необнаруживаемых мин; возложение на государства-участники обязательства обезвреживать после прекращения боевых действий заминированные площади, находящиеся на их территории, а также сотрудничать и оказывать техническую помощь в этих целях; подчеркивание лежащего на государствах-участниках обязательства принимать все разумные меры к обеспечению соблюдения Протокола и недопущению его нарушений; а что самое главное — распространение сферы применения Протокола на вооруженные конфликты немеждународного характера, что открыло дорогу к аналогичному расширению сферы применения и самой Конвенции (см. выше, подраздел 2.1).

Однако Протокол сохраняет слабость в том плане, что в нем не содержится полного запрета на применение противопехотных мин, а в силу перечисленных причин всякая проверка становится очень проблематичной. Поэтому в условиях, когда общественное мнение созрело для введения полного запрета на применение противопехотных мин, многие государства решили пойти иным путем и заключить более радикальную конвенцию по этим минам (см. ниже, раздел 3).

2.4. Протокол о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия от 10 октября 1980 года (Протокол III)

Во время проведения Конференции 1980 года проблема зажигательного оружия была весьма злободневной, особенно в связи с применением напалма в ходе войны во Вьетнаме. Поэтому обсуждение Протокола имело особую актуальность, которая к сегодняшнему дню несколько утрачена по той счастливой причине, что это оружие сейчас уже не применяется или применяется очень редко. Протокол III содержит не абсолютный запрет на применение зажигательного оружия, а лишь ограничение на него, исключая его применение против военных объектов, расположенных в районах с высокой плотностью населения,— в силу возникающей для него пожароопасности.

2.5. Протокол об ослепляющем лазерном оружии от 13 октября 1995 года (Протокол IV)

Данный Протокол являет собой редкий, если не уникальный, пример случая, когда определенный вид оружия был запрещен до его применения на войне. Развитие лазерной техники, в частности для выполнения измерений, открывает техническую возможность изготовления оружия, специально предназначенного для ослепления. В виду беспокойства вызванного такой возможностью, МККК организовал междисциплинарные совещания экспертов, доклады которых были препровождены на рассмотрение государствам. Государства удалось убедить в важности занесения этого вида оружия в запретный список — однако без полного запрета на применение лазеров в силу их полезности для военных нужд, в частности (как об этом только что говорилось) измерительных. Поэтому запрещенным по Протоколу IV оказалось только такое лазерное оружие, которое имеет ослепляющее действие. Насколько нам известно, такое оружие ни разу не применялось.

2.6. Протокол по взрывоопасным пережиткам войны от 28 ноября 2003 года (Протокол V)

Дискуссия, которая привела к принятию этого Протокола, была порождена прежде всего появлением кассетных бомб, т. е. представляющего собой оружейную систему, в которой из основного боеприпаса высвобождается большое количество мелких взрывающихся элементов. Используемое на различных театрах действий, это оружие обладает свойством оставлять много неразорвавшихся мелких элементов, особенно в том случае, если они зарываются в рыхлую почву. Таким образом, они сохраняют опасность, сопоставимую по степени с противопехотными минами, и вызывают случаи гибели или серьезного ранения среди гражданского населения, причем часто пострадавшими становятся дети.

Однако государства, считая это оружие ценным в военном отношении, не гоят желанием принимать абсолютный запрет на него. Вместо этого они пошли на введение ограничений и технических указаний, позволяющих сократить побочный ущерб для гражданского населения, в частности путем ограничения количества неразорвавшихся элементов благодаря повышению надежности этого оружия или путем нейтрализации таких элементов по истечении определенного времени. Хотя дискуссии о запрещении этого вида оружия не привела к консенсусу, удалось всё же договориться о мерах, предусматривающих обезвреживание площадей, на которых имеются неразорвавшиеся элементы и вообще взрывоопасные пережитки войны, представляющие опасность для гражданского населения, что и было оформлено новым Протоколом.

Однако государства, желавшие пойти дальше, не были удовлетворены этим Протоколом и по примеру того, что было сделано по поводу противопехотных мин, собрались в других рамках для принятия конвенции, полностью запрещающей кассетные боеприпасы (см. ниже, раздел 3).

3. Развитие событий на параллельных направлениях

Государства были вынуждены действовать на параллельных направлениях, поскольку в некоторых случаях они были недовольны слишком мизерными, по их мнению, результатами, которые были достигнуты в рамках установленной по Конвенции 1980 года системе рассмотрения ее действия.

Систематически осуществляемые в этих рамках усилия по принятию текстов консенсусом обусловлены понятной заботой о том, чтобы добиться как можно более широкого участия (если не сразу, то хотя бы в среднесрочной перспективе), поскольку государства, участвовавшие в консенсусе, будут затем, по идее, в большей степени расположены официально принять эти тексты. Это представляется тем более важным в области запрещения или ограничения применения оружия, где эффективность таких мер зависит во многом от их если не всеобщего, то очень широкого признания.

Тем не менее констатировалось, что взамен за участие в консенсусе некоторые государства требовали существенных уступок, ослабляющих весомость согласуемых текстов, а в итоге текст, принятый консенсусом, ими не

ратифицировался несмотря на уступки. Разделяя этот вывод и желая идти дальше, некоторые государства стали изучать тогда другие способы действий.

Будучи недовольны недостаточными, по их мнению, результатами, которых удалось добиться в отношении противопехотных мин при пересмотре Протокола II в 1996 году, и опираясь на весьма активную поддержку со стороны гражданского общества, около ста государств собрались на дипломатическую конференцию по проблеме противопехотных мин, преисполненные решимости достичь полного запрета на применение этого оружия, не заботясь при этом о том, чтобы любой ценой добиться консенсуса всех государств. Конференция собралась в Оттаве, а 18 сентября 1997 года она приняла в Осло Конвенцию о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении. Великие державы в этой Конференции, правда, не участвовали и дистанцировались от нее, однако многочисленность государств-участников придает этому правовому акту неоспоримый вес и делает его на международной арене рычагом для того, чтобы продолжать борьбу за абсолютное и всеобщее запрещение применения противопехотных мин.

Следуя направлению, предначертанному в преамбуле Конвенции 1980 года, Оттавская конвенция по противопехотным минам не довольствуется запрещением применения этого оружия, а содержит и разоруженческие меры: государства-участники обязуются воздерживаться от всякого производства этого оружия и всякой торговли им и должны уничтожить существующие запасы. Предусматривается сотрудничество между ними в этих целях.

Сходный процесс развернулся и после принятия упоминавшегося выше Протокола по взрывоопасным пережиткам войны (Протокол V). Некоторые государства, считая Протокол V недостаточной подвижкой и учитывая, что в результате переговоров, которые велись по вопросу о кассетных боеприпасах, удалось добиться консенсусом всего лишь ограничения применения этого оружия или технических лимитов, решили организовать специальную дипломатическую конференцию, которая позволила принять 30 мая 2008 года Конвенцию по кассетным боеприпасам. По образцу Оттавско-Ословской конвенции по противопехотным минам эта Конвенция запрещает при любых обстоятельствах применение, приобретение, накопление или передачу кассетных боеприпасов и вводит требование об уничтожении запасов, делая при этом акцент на международном сотрудничестве и оказании помощи пострадавшим.

4. Перспективы на будущее

Оттавская конвенция по противопехотным минам имела неоспоримый эффект, и, вероятно, так же будет обстоять дело и с Конвенцией по кассетным боеприпасам, хотя в этом случае нежелание ее принимать у ее противников является несколько более сильным.

При этом не стоит думать, что этими двумя конвенциями подписан смертный приговор Конвенции 1980 года. Введенная ею система воспринимается как продуманная и неплохо функционирующая. В связи с этим по-прежнему важно поддерживать диалог всех государства мира по обсуждению новых сдвигов в сфере обычного оружия и который, несмотря ни на что, позволил и, разумеется, еще позволит принять тексты, запрещающие

или ограничивающие применение новых видов оружия. Возможности для диалога будут сохраняться благодаря приверженности, прежде всего, не только некоторых государств, но и независимых экспертов, МККК, действующего в качестве блюстителя международного гуманитарного права, и гражданского общества, которые внимательно следят за развитием новой военной техники и интересуются, насколько она сообразуется с принципами международного гуманитарного права. Примером этого является в настоящее время вопрос о так называемом «несмертоносном» оружии. Собираемые сведения и материалы готовят почву для обсуждений, которые будут иметь место между государствами сначала на уровне экспертов, а затем на дипломатическом уровне, если пойдет речь об изменении Конвенции и протоколов к ней или о принятии нового протокола.

Параллельная система, к которой прибегали уже дважды, должна в связи с этим восприниматься как дополнение, а не замена Конвенции 1980 года. Она призвана одергивать государства, которые желали бы злоупотреблять системой консенсуса, чтобы тормозить все сдвиги в области запрещения или ограничения обычных видов оружия. Вместе с тем она может играть важную роль только в том случае, если запреты на соответствующие виды оружия будут поддерживаться большим числом государств, среди которых будут фигурировать крупные военные державы, и широко отстаиваться гражданским обществом — воплощением «общественного сознания», о котором говорится в знаменитой «оговорке Мартенса».

В заключение следует подчеркнуть, что усилия, предпринимаемые с целью запрещения или ограничения применения конкретных видов обычного оружия, должны дополняться сходными усилиями, которые осуществляются, с одной стороны, в области оружия массового уничтожения, а с другой — в области торговли оружием, включая и легкие вооружения, чье применение в условиях войны является законным.

Соответствующие материалы

А. Правовые инструменты

Женевская конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях, Женева, 22 августа 1864 года.

Декларация о воспрещении употребления некоторых снарядов во время войны, Санкт-Петербург, 11 декабря 1868 года.

Женевская конвенция об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 года, *Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года*, Москва, изд. «Ведомостей Верховного совета СССР», 1954, с. 67.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 года, *Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года*, Москва, изд. «Ведомостей Верховного совета СССР», 1954, с. 145.

Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женева, 12 августа 1949 года, *Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года*, Москва, изд. «Ведомостей Верховного совета СССР», 1954, с. 41.

Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 августа 1949 года, *Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года*, Москва, изд. «Ведомостей Верховного совета СССР», 1954, с. 9.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, Вашингтон, Лондон, Москва, 10 апреля 1972 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 1015, p. 170.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), Женева, 8 июня 1977 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 1125, p. 330.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), Женева, 8 июня 1977 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 1125, p. 658.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, Женева, 3 сентября 1992 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 1975, p. 142.

Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении, Осло, 18 сентября 1997 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 2056, p. 266.

Конвенция по кассетным боеприпасам, Дублин, 30 мая 2008 года, док. ООН A/C.1/63/5, добавление, ч. II.

V. Судебная практика

International Court of Justice, *Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Advisory Opinion of 8 July 1996, I.C.J. Reports 1996*, p. 66.

C. Доктрина

J. M. Henckaerts et L. Doswald-Beck, *Droit International Humanitaire Coutumier*, Volume I, Règles, CICR/ Bruylant, Bruxelles, Règles 73 et 74.

P. Herby, R. Coupland, “Review of the Legality of weapons: a new approach”, *Revue Internationale de la Croix-Rouge*, No. 835, 1999, pp. 583 ss.

Примечания

¹ Начиная с этого времени стали приниматься многосторонние договоры открытого

характера, имеющие универсальное применение, т. е. предусматривающие желательность их принятия всеми государствами.

- ² По этому поводу см.: Jean-Marie Henckaerts et Louise Doswald-Beck, *Droit international humanitaire coutumier*, Volume I, Règles, CICR/Bruylant, Bruxelles, Règles 73 et 74.
- ³ Хотя Суд заявил, что «угроза ядерным оружием или его применение в целом противоречили бы нормам международного права, применимым в период вооруженного конфликта», он при этом добавил, что «с учетом нынешнего состояния международного права и тех материалов дела, которыми Суд располагает, Суд не может сделать окончательный вывод о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства» (консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или применения (A/51/218), п. 105, литера E).
- ⁴ В рамках проекта SIrUS (Superfluous Injury or Unnecessary Suffering — «Чрезмерные повреждения или излишние страдания»), описание которого см. в статье: Peter Herby et Robin Coupland, “Review of the legality of weapons: a new approach”, *Revue internationale de la Croix-Rouge*, No. 835, 1999, pp. 583 ss.
- ⁵ Запрещены Санкт-Петербургской декларацией 1868 года, которая упоминалась выше (см. прим. 2).
- ⁶ Согласно пункту «а» статьи XXIII «Положения о законах и обычаях сухопутной войны», приложенного к одноименным конвенциям от 29 июля 1899 года и от 18 октября 1907 года.
- ⁷ Более развернуто они описываются в «Декларации о воспрещении употреблять пули, легко разворачивающиеся или сплюсывающиеся в человеческом теле, к каковым относятся оболочечные пули, коих твердая оболочка не покрывает всего сердечника или имеет надрезы» от 29 июля 1899 года.